

DOI 10.24411/9999-001A-2020-10023
УДК 930.85

И.И. Атапин
Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории
Менделеевская линия, д. 5, г. Санкт-Петербург, Россия, 199034
ivatapin@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5078-411X>
Научный руководитель: Е.Ю. Станюкович-Денисова

Архитектор Н.С. Кузьмин и его проекты коллективного жилища. Студенческий дом-коммуна в Томске

Аннотация

Статья посвящена ранее не введенному в научный оборот проекту дома-коммуны Сибирского технологического института в Томске (1930 г.), который был выполнен студентами этого института под руководством архитектора Н.С. Кузьмина. На основе архивных документов и материалов периодической печати рассматривается история проектирования и строительства дома-коммуны. Выявляется место проекта в творчестве Кузьмина и его связь с концепцией научной организации быта. Анализируются архитектурные особенности проекта. Показаны причины, вследствие которых строительство дома-коммуны в Томске было прекращено. В результате исследования сделан вывод, что проект студенческого дома-коммуны в Томске является одной из самых значительных работ Н.С. Кузьмина и непосредственно связан с его дипломным проектом дома-коммуны в Анжеро-Судженске.

Ключевые слова: Н.С. Кузьмин, Томск, конструктивизм, ОСА, СТИ, дом-коммуна, научная организация быта

I.I. Atapin
St. Petersburg State University, Institute of History
Mendeleev Line, 5, Saint Petersburg, Russia, 199034
ivatapin@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5078-411X>
Scientific adviser is E.Yu. Stanyukovich-Denisova

Architect N.S. Kuzmin and his shared house projects. The student house-commune in Tomsk

Abstract

The article deals with the project of the house-commune of the Siberian Technological Institute in Tomsk (1930). The building was designed by a group of students of the institute under the guidance of the architect Nikolay Sergeevich Kuzmin. Archival documents and newspaper articles were used for analyzing the history of construction of the house-commune. The place of the project in Kuzmin's work and its connection with the concept of scientific organization of life are revealed. Architectural features of the house-commune are also examined. Building halt reasons are shown. The study concludes that project of the house-commune in Tomsk was one of the most significant works of N.S. Kuzmin. It was directly related to his graduation work — the project of the house-commune in Anzhero-Sudzhensk (1929).

Key words: N.S. Kuzmin, Tomsk, constructivism, OSA Group, STI, house-commune, scientific organization of life

Введение. В 2020 г. исполнилось 115 лет со дня рождения Николая Сергеевича Кузьмина (1905–1985) — выдающегося сибирского архитектора, яркого представителя конструктивизма и постконструктивизма. Внимание отечественных и зарубежных исследователей традиционно привлекает

его дипломный проект — дом-коммуна для рабочих шахты № 5–7 Судженских копей. Гораздо менее известен тот факт, что под руководством Н.С. Кузьмина в 1930 г. был спроектирован еще один дом-коммуна — в Томске. Эта работа не упоминается даже в книге, приуроченной к столетию со дня

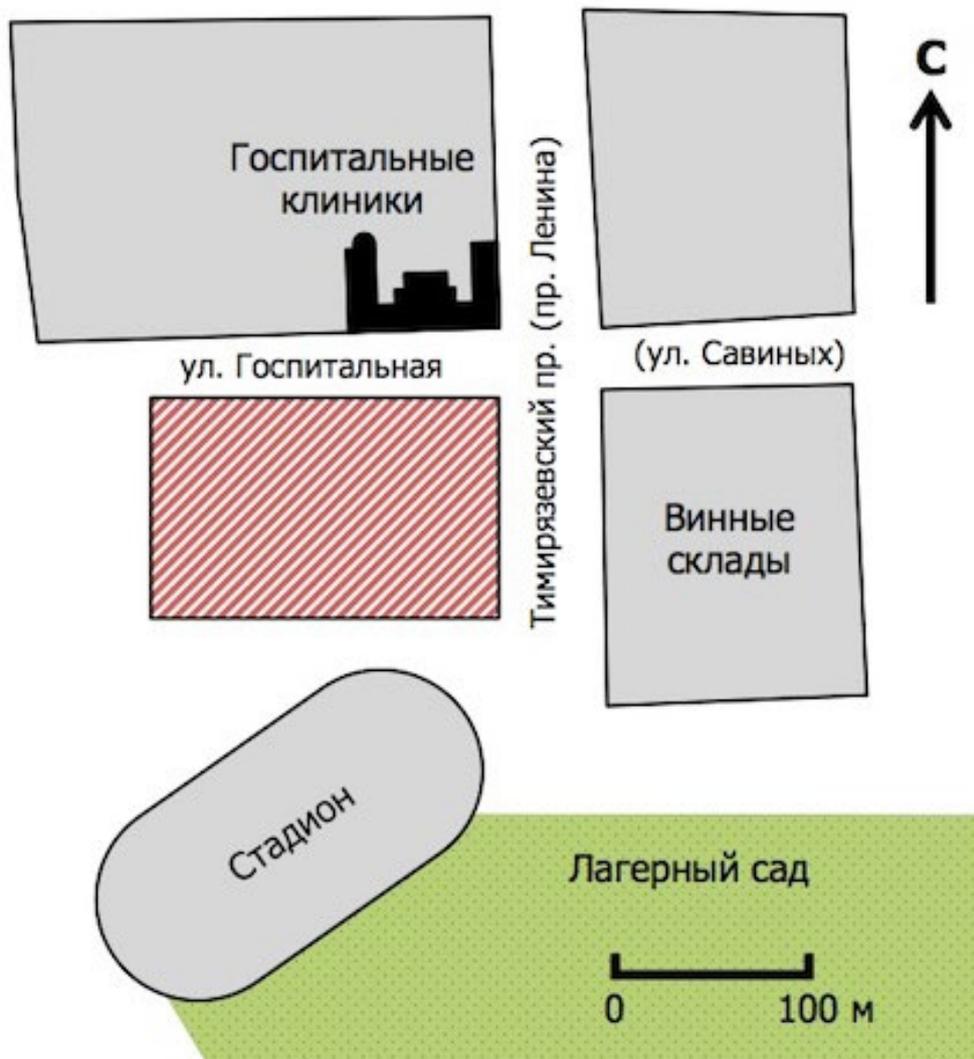
рождения архитектора [Николай Кузьмин..., 2005]. Цель данной статьи — ввести в научный оборот упомянутый проект, который долгое время оставался вне поля зрения историков архитектуры и краеведов.

Материалы о проектировании и строительстве студенческого дома-коммуны в Томске были выявлены автором в 2019 г. в Государственном архиве Томской области. Следует отметить, что в архивном деле отсутствуют какие-либо графические источники (эскизы, чертежи) или фотографии. К настоящему времени они не обнаружены, однако сохранившиеся копии программы строительства и пояснительной записки позволяют реконструировать архитектурно-планировочное и конструктивное решение здания.

Полученные результаты. Как известно, после защиты своего знаменитого дипломного проекта, которая состоялась 1 де-

кабря 1929 г., Н.С. Кузьмин остался в Томске и продолжил научно-педагогическую работу на инженерно-строительном факультете Сибирского технологического института (СТИ) в качестве ассистента. В том же 1929 г. из Томска уехал А.С. Огородников — бывший председатель томской группы Объединения современных архитекторов (ОСА), участники которой отстаивали принципы конструктивизма и участвовали в разработке новых типов жилища [Атапин, 2017]. По всей видимости, Кузьмин стал следующим председателем этой группы. Так, например, один из проектов Кузьмина лег в основу доклада «Рабочий метод архитектора в практике», сделанного томской группой ОСА в январе 1930 г. [Извещения, 1930].

На рубеже 1920–30-х гг. Томск сохранял статус ведущего научно-образовательного центра Сибири. Помимо СТИ, здесь работал Томский государственный университет

Ил. 1. Схема южной части Томска. Заштрихован участок, отведенный для строительства дома-коммуны СТИ. Реконструкция автора на основе топографического плана Томска 1933 г.
Fg. 1. The plan of the southern part of Tomsk. The building plot for the STI house-commune is shaded. Author's reconstruction based on the 1933 topographic map of Tomsk

(ТГУ) — старейшее высшее учебное заведение региона. Вместе с тем уровень жизни томского студенчества оставался довольно низким. Общежития размещались, как правило, в непригодных деревянных домах. Обычная картина студенческого быта: «В трех комнатах, очень небольших, помещается около 30 человек. <...> Всё, что можно занять койками, уже занято и ребята спят по двое и трое» [Слово об общежитиях, 1930]. Тяжелые бытовые условия вкупе с проблемами личного характера порождали «разлагающие настроения». «В жизни, в быту студенчества весьма слабо развиты коллективистические начала, чувства товарищества. ...Целый ряд бытовых извращений в академической и вневузовской жизни, перегрузка общественной работой части студентов, неудовлетворенность общественной работой и академической, семейные неурядицы, сексуальный вопрос и т.д. также способствуют у части товарищей росту упадочничества», — писал партийный работник И.Е. Зудилов [Зудилов, 1929]. При поддержке партийных и государственных структур в Томске стали создаваться учебно-бытовые студенческие коллективы (УБСК), деятельность которых была направлена на «клас-

совое воспитание» студентов, улучшение их бытовых условий, эффективную организацию учебы и свободного времени.

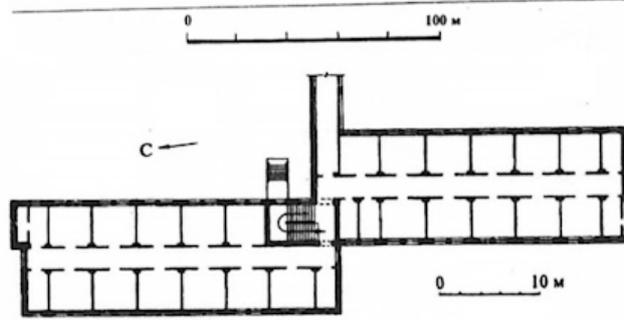
В начале 1930 г. был решен вопрос о строительстве нового студенческого общежития СТИ. Место для него отводилось в южной части Томска, на участке, ограниченном с севера ул. Госпитальной (ныне ул. Савиных), с востока — Тимирязевским пр-том (пр-т Ленина), с юга — стадионом и Лагерным садом. Рядом располагались здание университетских госпитальных клиник и комплекс бывших винных складов, возведенные в начале XX в. (ил. 1).

14 февраля 1930 г. томская газета «Красное знамя» сообщила: «...Общежитие для студентов на 624 человека будет выстроено. Местом постройки выбран участок за госпитальными клиниками на территории Лагерного сада. Здесь за сезон будет выстроен четырехэтажный корпус. Здание будет строиться по типу иваново-вознесенского общежития. В дальнейшем к нему возможны пристройки, что не отразится на его архитектуре, так как каждая пристройка будет представлять из себя вполне законченный корпус» [СТИ переходит..., 1930].

Речь шла о проекте общежитий Ивано-

1

2

Ил. 2. Комплекс общежитий Ивано-Вознесенского политехнического института.

Архитекторы Б.А. Кондрашев и Н.А. Круглов. 1929–1931 гг. 1 — общий вид. Фотографии 1930-х (вверху) и 1970-х гг. (внизу); 2 — план участка; план секции типового этажа общежития [Свод памятников..., 1998, с. 332–333; Шорбан, 2004, с. 36]

Fig. 2. The dormitory of Ivanovo-Voznesensk Polytechnic Institute. Architects B.A. Kondrashev and N.A. Kruglov. 1929–1931. 1 — general view in the 1930s (above) and the 1970s (below); 2 — site plan; plan of a typical dormitory floor section [The list of architectural..., 1998, p. 332–333; Shorban, 2004, p. 36]

во-Вознесенского политехнического института, выполненном в 1929 г. архитекторами Б.А. Кондрашевым и Н.А. Кругловым. В соответствии с ним в начале 1930-х гг. были построены два конструктивистских здания (современные адреса — Иваново, Шереметевский пр-т, 27 и 29; 35 и 37). Каждое общежитие состояло из двух параллельных четырехэтажных корпусов, соединенных крытым переходом на уровне второго этажа (ил. 2). В основе внутренней планировки типового корпуса лежал продольный коридор с жилыми комнатами по сторонам; в центре здания размещалась лестничная клетка, в торцах — санузел и подсобные помещения [Свод памятников..., 1998, с. 331–334; Шорбан, 2004, с. 35]. Видимо, в Томске под «пристройками», о которых писала газета «Красное знамя», подразумевались аналогичные корпуса, связанные между собой переходами.

Этот проект общежития, рекомендованный Главпрофобром к повторному строительству в Томске, был раскритикован на совместном совещании архитектурной секции научно-технического кружка студентов СТИ и томской группы ОСА. Выполнить альтернативный проект вызвалась «ударная бригада» в составе инженеров-строителей Н.С. Кузьмина и М.И. Ковальского¹, студентов Д.М. Голованова, И.И. Жалмана, Я.Е. Кузнецова, М.А. Малова, Б.Я. Низовцева и А.Н. Постникова. 25 февраля 1930 г. был заключен договор между ударной бригадой и правлением СТИ в лице ректора Н.В. Гутковского. Бригада обязывалась представить эскизный проект студенческого дома-коммуны к 1 апреля того же года. Работа членов бригады не оплачивалась, но правление института брало все организационно-хозяйственные расходы на себя, а также предоставляло в полное распоряжение бригады часть помещения рисовального музея СТИ [ГАТО, Ф. Р-174. Оп. 1. Д. 158. Л. 19–19 об.]. В течение сравнительно короткого срока (чуть больше месяца) проектная работа была выполнена в полной мере.

Проект дома-коммуны для студентов СТИ создавался на методологической основе научной организации быта, разработанной Н.С. Кузьминым и ранее примененной им в своем дипломном проекте дома-коммуны для анжеро-судженских шахтеров. Кузьмин опирался на положения диалектического материализма, тейлоризма и фордизма, а также научной организации труда А.К. Гастева. В ходе работы над дипломным проектом Кузьмин общался с горняками, изучал их бытовые условия, а также консультировался с ведущими советскими архитекторами — лидерами ОСА М.Я. Гинзбургом и братьями

Весниными. Весь этот опыт был использован в проекте дома-коммуны в Томске.

Работа ударной бригады началась с социально-экономического анализа, который учитывал «характер и содержание настоящей и будущей производственной учебы студенчества» [Там же, л. 13 об.]. Исходя из этого, дом-коммуна трактовался как место культурного развития и восстановления сил, израсходованных на учебе. «Научно-классовая» организация жизни должна была повысить производительность труда студентов. Следующий шаг проектной работы — изучение производственно-бытового процесса — повторяет аналогичный раздел дипломного проекта Кузьмина. В нем, как известно, было представлено расписание ежедневного «бытового процесса» шахтеров и их семей — от пробуждения и утренней гимнастики до ужина и приготовления ко сну. У взрослых такой «процесс» состоял из 24 пунктов. В проекте студенческого дома-коммуны число пунктов заметно уменьшилось, их стало 12 (ил. 3). Важно отметить, что расписание создавалось не для тотального контроля, но прежде всего для расчета помещений и графика движения. «...Регламентация будет установлена самой жизнью», — отмечалось в пояснительной записке [Там же, л. 14–14 об.]. Проведенный социально-экономический анализ и изучение бытового процесса позволили ударной бригаде составить программу дома-коммуны, провести обсуждение на студенческом собрании, а затем перейти непосредственно к проектированию.

Программа дома-коммуны первоначально была составлена на 2200 человек, в дальнейшем число увеличили до 2320. Количество основных помещений — двухкоечных «спальных кабин» — в итоге составило 1110 комнат [Там же, л. 15 об.]. Помимо жилых корпусов, в комплекс входил общественно-культурный («обобществленный») корпус, включавший в себя детский, физкультурный и некоторые другие «центры». Все корпуса соединялись крытыми переходами, над которыми также размещались жилые комнаты.

Для культурного обслуживания студентов были запроектированы зрительный зал на 1200 человек с балконом и эстрадой, два зала «шумного» отдыха, два зала тихого отдыха, 10 комнат для групповых занятий, 21 кабина для индивидуальных занятий. Питание предусматривалось в механизированной столовой. Предполагалось, что полуфабрикаты будут доставляться из томской фабрики-кухни (к тому времени она еще не была построена) [Там же, л. 17–17 об.].

Воспитание детей в студенческом доме-коммуне, как и в анжеро-судженском доме-коммуне Кузьмина, осуществлялось в коллективах. Были запроектированы ясли на 100 детей (до четырех лет) и детский сад на 50 детей (до восьми лет). Все дети разбивались

¹ В дальнейшем М.И. Ковальский выбыл из состава бригады, его имя упоминается только в договоре.

на группы по 25 человек, которые «совершенно изолировались одна от другой». Детские спальни рассчитывались на 12 и 13 мест и могли быть разделены на отдельные раздвижные боксы [Там же, л. 11 об., 17]. Для детей также предусматривались столовая, врачебный кабинет с изолятором, игральная комната, гардероб и прочие помещения, обособленные от спальных корпусов взрослых.

Особое внимание проектировщики уделили физической культуре. Ежедневная утренняя зарядка являлась «обязательной для каждого здорового коммунара». В физкультурном центре размещались зал для упражнений (300 кв. м), душевые, распределитель спортивной одежды и инвентаря. Здесь же находилась открытая терраса с видом на стадион, Лагерный сад и реку Томь [Там же, л. 17–17 об.]. Среди других запроектированных общественно-бытовых помещений можно выделить медицинский центр, почтовое отделение, парикмахерскую, гардероб на 2400 шкафов [Там же, л. 15 об., 16, 17 об.]. Управление домом-коммуной должен был осуществлять выборный совет коммуны. На одного жильца приходилось 7 кв. м жилой площади, хотя при расчете в нее были включены зрительный зал, столовая, кружковые комнаты и т.д.

Для пятиэтажных корпусов спальных комнат проектировался кирпичный каркас с заполнением системы Герарда (т.е. с засыпкой из шлака между стенок), в первых двух этажах — железобетонные перекрытия на железобетонных столбах, в верхних — деревянные перекрытия на кирпичных столбах. В обобщественном корпусе применялся железобетонный каркас. Зрительный зал перекрывался коробовым сводом либо куполом яйцеобразной формы [Там же, л. 16 об.]. Строительный объем дома-коммуны составил 130 850 куб. м.

Экономические расчеты ударной бригады показали, что проект первой очереди дома-коммуны (спальный корпус на 410 человек) был на 95% дешевле проекта иваново-вознесенского общежития [Там же, л. 18]. Сравнивая дипломный проект Н.С. Кузьмина и проект дома-коммуны СТИ, можно заключить, что последний более реалистичен и лучше адаптирован к возможностям местной строительной базы. В то же время он в полной мере воплотил в себе социальные и идеологические установки, которые так горячо отстаивал Кузьмин: строгий учет бытовых процессов, раздельное проживание детей и взрослых, развитую сеть культурного обслуживания.

10 апреля 1930 г. профессор СТИ гражданский инженер А.Д. Крячков² оставил

² В машинописной копии отзыва не указана фамилия гражданского инженера, но авторство Крячкова подтверждается газетной публикацией. См.: [Диспут о доме-коммуне, 1930].

официальный отзыв: «Проект составлен по широкой программе, учитывая момент культурной революции: перехода к новым, более высоким социальным формам быта. <...> График движения, начиная от главного входа, со стороны города, через элементы обобщественного сектора, необходимые каждому, до индивидуальной ячейки, проработан внимательно и при значительном масштабе здания получился вполне приемлемым по длине. <...> В целом проект следует признать вполне современным и удачным» [Там же, л. 8–8 об.].

Еще до этого отзыва, 7 апреля, общее собрание студентов СТИ поддержало проект, выполненный под руководством Н.С. Кузьмина. «Проект бригады вполне отвечает всем новым требованиям коллективного студенческого жилья, — отмечалось в резолюции собрания. — Тогда как проектная копия Иваново-Вознесенского общежития не выдерживает критики как с технико-экономической, так и с идеологической точек зрения. <...> Правление СТИ обошло мнение студенческих масс о новом жилье» [Там же, л. 9–9 об.]. Собрание также постановило командировать двух членов бригады в Новосибирск и Москву для утверждения проекта краевым управлением строительного контроля (СибкрайУСК) и Главпрофбром. В эту командировку были отправлены участники бригады А.Н. Постников и М.А. Малов.

Техническое совещание при СКСНХ, прошедшее 12 апреля 1930 г., одобрительно высказалось о проекте ударной бригады СТИ, отметив «жизненность, реальность технического оформления проекта дома-коммуны, максимальное использование местных условий и участка, отведенного в лучшей части города Томска» [Там же, л. 7; Проект дома-коммуны..., 1930]. На совещании присутствовали бывшие участники томской группы ОСА Д.М. Агеев и Г.Е. Степанченко, которые ранее выполнили проект дома-коммуны для специалистов завода «Сибкомбайн» в Новосибирске. Он не был поддержан заводским руководством и местными строительными организациями, но периодическая печать встала на сторону молодых инженеров-строителей [Nevzgodin, 2003, S. 144–146]. Ситуация вокруг проекта Агеева и Степанченко вызвала бурную дискуссию в краевой газете «Советская Сибирь».

В заключении от 13 апреля 1930 г., полученном из СибкрайУСК, отмечалось, что в проекте студенческого дома-коммуны были удачно решены планировка и компоновка помещений. В дальнейшей проработке нуждались зрительный зал и конструктивная часть проекта [ГАТО, Ф. Р-174. Оп. 1. Д. 158. Л. 6]. На следующий день Агеев, Степанченко, Постников и Малов приняли участие в диспуте о домах-коммунах в новосибирском Клубе совторгслужащих. Постников высту-

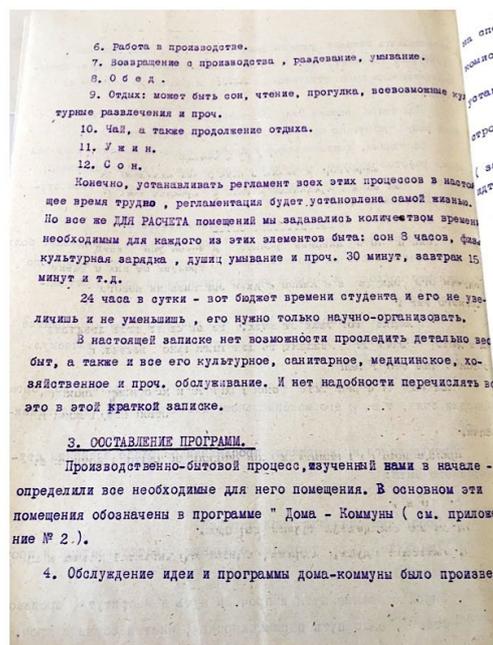
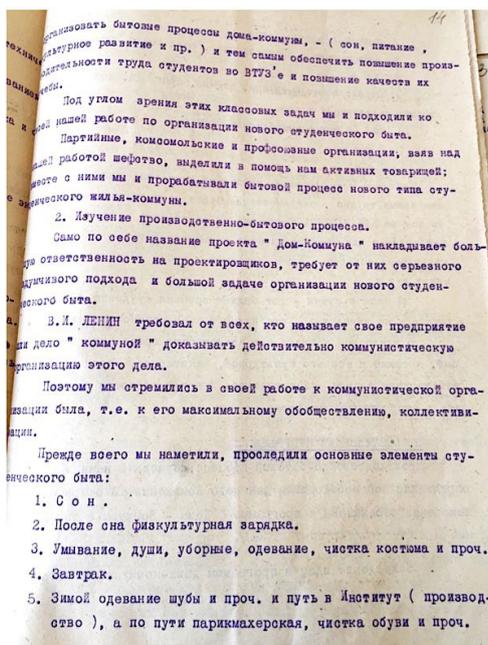
пил с речью «в защиту новых принципов жилищного строительства» и отметил, что «две тысячи студентов технологического института решительно протестуют против присланного Главпрофобром проекта общежития, по существу ничем не отличающегося от старого казарменного жилья». Выступавшие в прениях тоже «считали бесспорной необходимость строить жилища, обобществляющие быт» [Диспут о доме-коммуне, 1930].

Гораздо строже отнеслись к проекту студенческого дома-коммуны специалисты московского проектного института «Гипровтуз». 26 апреля 1930 г. техническое совещание института постановило существенно переработать проект с учетом ряда замечаний. В частности, было рекомендовано устроить цокольные этажи (по причине заметного уклона участка) и сократить количество переходов между корпусами. По мнению присутствующих, «заложённые в задание принципы не получили полного отражения в проекте» [ГАТО, Ф. Р-174. Оп. 1. Д. 158. Л. 3–3 об.]. Отмечалось, что «в общей планировке помещений отсутствует простота и четкость выражения программного задания; производственные графики движения получились длинными и сложными; отсутствует четкость функциональной связи отдельных элементов жилого комбината» [Там же, л. 4]. Изменения вносились и в проект первой очереди строительства (спальный корпус на 410 человек), хотя он не вызвал принципиальных возражений и был признан удовлетворительным.

Подготовку к строительству дома-коммуны приостановил конфликт между СТИ и ТГУ. Представители университета считали, что новое здание «совершенно прекратит доступ света и воздуха» в госпитальные клиники, расположенные севернее отведенного участка [Там же, л. 41]. 31 июля 1930 г. профессор СТИ К.К. Лыгин, инженер-строитель А.В. Ерофеев, представитель Томского горкомхоза Д.И. Редров и санитарный врач М.А. Клыкков подписали заключение о том, что здание клиник все же «не пострадает» от нового строительства [Там же, л. 40].

Одновременно с этим разворачивалась реформа советского высшего образования, в ходе которой СТИ был разделен на ряд отраслевых вузов: Сибирский механико-машиностроительный институт (СММИ), Сибирский строительный институт (Сибстрин), институт черных металлов и др. Реорганизация СТИ заняла продолжительное время и затормозила строительство вузовских объектов. В августе 1930 г. газета «Молодой рабочий» писала: «Из-за нераспорядительности и мягкотелости б[ывшей] дирекции СТИ (профессор Шумилов) намечавшееся в текущем году строительство "Дом[а] Коммуны" на 1000 студентов сорвалось» [Макошин, 1930].

О том, что возведение студенческого дома-коммуны все же было начато, свидетельствует недатированная ведомость выполненных работ. В ней зафиксировано, что строители вырыли котлован под фундамент спального корпуса дома-коммуны, выполнили кладку фундамента из бутового камня,

Илл. 3. Анализ «основных элементов» бытового процесса студентов. Пояснительная записка к проекту дома-коммуны СТИ [ГАТО, Ф. Р-174. Оп. 1. Д. 158. Л. 14–14 об.]

Fig 3. Analysis of "basic elements" of students' everyday process. Explanatory note for the design of the STI house-commune [ГАТО, F. R-174. Op. 1. D. 158. L. 14–14 об.]

сложили из такого же камня стены цокольного этажа [ГАТО, Ф. Р-174. Оп. 1. Д. 158. Л. 47–49 об.]. В архивном деле также имеются платежные ведомости строительных артелей за сентябрь–октябрь 1930 г.

Вновь к проекту дома-коммуны обратились в 1931 г., уже после разделения СТИ. Сохранилась записка директора СММИ С.М. Калмыкова, датированная 7 марта 1931 г. и адресованная Томской стройконторе. В ней отмечалось, что с приездом в Томск уполномоченного Республиканского объединения металлической промышленности вопрос о постройке дома-коммуны был «разрешен положительно». Калмыков предлагал начать работы по подготовке к строительству и заготовить материалы [Там же, л. 33]. Однако строительство здания, судя по всему, так и не было возобновлено. Не исключено, что на это повлияло изменение партийно-государственных установок в области коллективного жилища, связанное с постановлением ЦК ВКП(б) от 16 мая 1930 г. «О работе по перестройке быта». В 1950-х гг. на участке, отведенном под постройку дома-коммуны, был возведен неоклассицистический учебный корпус политехнического института (ныне 10-й корпус ТПУ; архитектор П.П. Кузнецов)³.

Заслуживает внимания деятельность некоторых студентов СТИ, работавших в ударной бригаде под руководством Н.С. Кузьмина. Так, например, Я.Е. Кузнецов после окончания института уехал в Новосибирск, где выполнил несколько проектов в соавторстве с Д.М. Агеевым [Невзгодин, 2013, с. 300]. В Новосибирске также работал Д.М. Голованов. И.И. Жалман спроектировал ряд крупных конструктивистских зданий в Свердловске (Екатеринбурге) и других городах Урала [Смирнов, 2018, с. 67–70].

Рассказ о теме коллективного жилища в творчестве Н.С. Кузьмина был бы не совсем полным без упоминания одного курьезного случая. Весной 1931 г. студенты Сибстрина Фомченко, Семенов и Шишов выполнили под руководством Кузьмина учебный проект «здания общественного пользования “Дома Коммуны”». Предприимчивые студенты продали этот проект Томскому горкомхозу за 1000 р., хотя учебные работы являлись собственностью института [Верина, 1931]. Завершилось все общественным судом, который постановил исключить студентов из профсоюза и занести их имена на «черную доску». Сообщалось, что Кузьмин проявил «исключительную активность» при расследовании этого инцидента [За обман..., 1931]. Впрочем, остается неизвестным, являлся ли учебный проект домом-коммуной с полным обобществлением быта. Судя по всему, впо-

³ Возможно, фундамент дома-коммуны был использован при строительстве учебного корпуса. Этот вопрос требует отдельного рассмотрения.

следствии Н.С. Кузьмин уже не обращался к проблеме массового коллективного жилища. Новый этап творческой биографии архитектора начался в 1933 г., когда Сибстрин был переведен в Новосибирск.

Выводы. Таким образом, проект студенческого дома-коммуны СТИ в Томске стал логическим продолжением разработок Н.С. Кузьмина в области научной организации быта, которые наиболее ярко выразились в его дипломном проекте дома-коммуны для анжеро-судженских шахтеров. Обращение архитектора к теме коллективного жилища не было однократным и не ограничилось дипломной работой, поэтому устоявшееся в историографии деление творческого пути Кузьмина на «до» и «после» дипломного проекта нуждается в определенном пересмотре. Следует отметить, что именно в Томске Кузьмин максимально приблизился к реализации своих амбициозных замыслов в области полного обобществления быта. Вне всякого сомнения, новаторский и редкий по сибирским меркам⁴ проект студенческого дома-коммуны является важным дополнением к списку работ Н.С. Кузьмина. Возможно, в дальнейшем будут обнаружены и другие проектные материалы.

Материал передан в редакцию 26 апреля 2020 г.

Список литературы

1. Атапин И.И. «Настоящие конструктивисты»: борьба за «новую архитектуру» в Томске в конце 1920-х годов // Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств, 2017. — Т. XII. — С. 169–172.
2. Невзгодин И.В. Конструктивизм в архитектуре Новосибирска. — Новосибирск: НГАХА, 2013. — 319 с.
3. Николай Кузьмин. К 100-летию со дня рождения: сборник статей и материалов. — М., 2005. — 200 с.
4. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России: Ивановская область. Ч. 1. — М.: Наука, 1998. — 526 с.
5. Смирнов Л.Н. Авангардная архитектура Екатеринбургa и городов Урала в творчестве западносибирских зодчих. — Екатеринбург: Архитектон, 2018. — 190 с.
6. Шорбан Е. Иваново. Советская архи-

⁴ Ближайшим аналогом можно назвать нереализованный проект общежития для студентов химического и механического техникумов в Новосибирске, выполненный техником Б. Сомовым (пояснительная записка датирована 9 апреля 1930 г.). Здесь также присутствовал «график движения» жильцов, впрочем, более упрощенный и схематичный, чем в проекте дома-коммуны СТИ. См.: [ГАНУ, Ф. Р-1993. Оп. 1. Д. 1119. Л. 4–5].

тектура. Путеводитель // Иваново. Город в постсоциалистической трансформации: Рабочие материалы проекта «Убывающие города». — Берлин, 2004. — С. 25–40.

7. Nevzgodin I.V. "Press — Fight for Socialist Cities!": Perception and Critique of the Architecture of Novosibirsk, 1920–1940 // Zur Sprache bringen: Kritik der Architekturkritik. — Münster: Waxmann, 2003. — Ss. 125–154.

References

1. Atapin I.I. «Nastojashhie konstruktivisty»: bor'ba za «novuju arhitekturu» v Tomske v konce 1920-h godov [True Constructivists: The Struggle for New Architecture in Tomsk in the Late 1920s]. In: Balandinskie chtenija: sb. st. nauch. cht. pamjati S.N. Balandina. Novosibirsk, Novosib. gos. un-t arhitektury, dizajna i iskusstv, 2017. Vol. XII. P. 169–172. (in Russ.)

2. Nevzgodin I.V. "Press — Fight for Socialist Cities!": Perception and Critique of the Architecture of Novosibirsk, 1920–1940. In Zur Sprache bringen: Kritik der Architekturkritik. Münster: Waxmann, 2003. S. 125–154.

3. Nevzgodin I.V. Konstruktivizm v arhitekture Novosibirska [Constructivism in the architecture of Novosibirsk]. Novosibirsk, NGAHA, 2013. 319 p. (in Russ.)

4. Nikolaj Kuz'min. K 100-letiju so dnja rozhdenija. Sb. statej i materialov [Nikolaj Kuz'min. To the 100th anniversary of his birth. Essays and documents]. Moscow, 2005. 200 p. (in Russ.)

5. Shorban E. Ivanovo. Sovetskaja arhitektura. Putevoditel' [Ivanovo. Soviet architecture. A travel guide]. In: Ivanovo. Gorod v post-socialisticheskoj transformacii: Rabochie materialy proekta «Ubyvajushhie goroda». Berlin, 2004. P. 25–40. (in Russ.)

6. Smirnov L.N. Avangardnaja arhitektura Ekaterinburga i gorodov Urala v tvorcestve zapadnosibirskih zodchih [The avant-garde architecture of Ekaterinburg and the cities of Urals in the works of West Siberian architects]. Ekaterinburg, Arhitekton, 2018. 190 p. (in Russ.)

7. Svod pamjatnikov arhitektury i monumental'nogo iskusstva Rossii: Ivanovskaja oblast'. Ch. 1 [The list of architectural monuments and monumental art of Russia: Ivanovo region. Part 1]. Moscow, Nauka, 1998. 526 p. (in Russ.)

Список источников

1. Верина Л. Больше бдительности в борьбе за чистоту рядов пролетарского студенчества // Красное знамя. — 1931. — 29 марта.

2. ГАТО. Ф. Р-174. Оп. 1. Д. 158.

3. ГАНО. Ф. Р-1993. Оп. 1. Д. 1119.

4. Диспут о доме-коммуне // Советская Сибирь. — 1930. — 16 апр.

5. За обман — Фомченко, Семенов и Шишков осуждены общественностью Сибири // Красное знамя. — 1931. — 14 мая.

6. Зудилов И. Против нытиков и пессимистов! Против слюнтяев и капитулянтов! // Красное знамя. — 1929. — 12 апр.

7. Извещения // Красное знамя. — 1930. — 10 янв.

8. Макошин В. Томские студенты рискуют остаться без общежитий // Молодой рабочий. — 1930. — 25 авг.

9. Проект дома-коммуны молодых техников // Молодой рабочий. — 1930. — 17 апр.

10. Слово об общежитиях // Красное знамя. — 1930. — 28 дек.

11. СТИ переходит в ведение ВСНХ // Красное знамя. — 1930. — 14 февр.

Список сокращений

ГАНО — Государственный архив Новосибирской области

Гипровтуз — Государственный институт по проектированию высших и средних технических учебных заведений

Главпрофобр — Главное управление профессионального образования

Горкомхоз — Отдел коммунального хозяйства Томского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов

СибкрайУСК — Сибирское краевое управление строительного контроля

СКСНХ — Сибирский краевой совет народного хозяйства

ТПУ — Томский политехнический университет

ЦК ВКП(б) — Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии (большеви́ков)